

УДК 070:821.161.1

ОБРАЗ РОДИНЫ В ПУБЛИЦИСТИКЕ И МЕМУАРИСТИКЕ Б. ЗАЙЦЕВА

© 2013 Ю. Н. Мажарина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 25 марта 2013 года

Аннотация: В статье анализируется образ Родины, создаваемый Б. Зайцевым на страницах периодических изданий Русского зарубежья и в произведениях мемуарного жанра. Память о дореволюционной России – ключевая категория сознания русских эмигрантов в целом и Б. Зайцева в частности. Потребность сохранить вдалеке от России её облик, традиции, устои, имена, не дать раствориться дореволюционной российской культуре в современном инокультурном, инонациональном окружении – первоочередная задача публициста. В путевых очерках, мемуарных портретах, статьях, рецензиях, дневниковых записях, письмах Б. Зайцев создаёт многомерный облик своих современников: людей, лишённых Родины, но сохранивших на чужбине русский язык, культуру, самобытность, составляющих тот самый образ дореволюционной России.

Ключевые слова: мемуары, Русское зарубежье, публицистика, Борис Зайцев, образ Родины, путевой очерк, дневниковый цикл, национальная память, эмиграция.

Abstract: The article analyses the image of the Homeland, created by B. Zaitsev on the pages of periodicals of the Russian diaspora and in the works of the memoir genre. The memory of the pre-revolutionary Russia is a key category consciousness of russian emigrants in general, and B. Zaitsev in particular. The need to stay away from Russia, its appearance, traditions, customs, names, does not allow to dissolve the pre-revolutionary Russian culture in the modern inocultural, inonational environment is the primary task of a publicist. In the travel essay, memoirist portraits, articles, reviews, diaries, letters B. Zaitsev creates multi-dimensional shape of his contemporaries: people deprived of their Homeland, but retained in a foreign country Russian language, culture, identity, the components of the image of the pre-revolutionary Russia.

Key words: memoirs, Russian diaspora, journalism, Boris Zaitsev, the image of the homeland, travel essay, diary cycle, national memory, emigration.

Судьба Бориса Зайцева отражает судьбы многих эмигрантов, в изгнании видевших свою миссию в том, чтобы сохранять и передавать потомкам национальные культурные традиции. «Мы не в изгнании, мы в послании» [1, 163] – фраза долгие десятилетия определявшая внутренний настрой, жизненный уклад эмигрантов первой волны в целом и Бориса Зайцева в частности. «Мы – капля России», – любил повторять Зайцев [2, 4].

Память о дореволюционной России – ключевая категория сознания русских эмигрантов. Я помню, следовательно, она существует. Именно так можно перефразировать Рене Декарта, говоря о Русском зарубежье. В ситуации социополитического и культурного распада память о Родине становится той точкой, опираясь на которую русская эмиграция и выполняет свою миссию по сохранению национальных основ.

Говоря словами Иосифа Бродского, всякому изгнаннику присущ «гипертрофированный ретроспективизм». «Ретроспекция занимает в его

существовании чрезмерное место. Она заслоняет реальность и затемняет будущее завесой куда более внушительной, чем самый густой туман. У изгнанника как у дантовских лжепророков, голова постоянно отвёрнута назад, и слёзы или слюна текут по спине. Пишущий же, даже получив свободу передвижения, не может никак оторваться от мира своего прошлого...» [3, 3].

В эмиграции воспоминания о прежней России наряду с профессиональными писателями и публицистами оставляют политики, военные, философы, художники, музыканты и даже простые гимназисты... «Некрополь» В. Ходасевича, «Курсив мой» Н. Берберовой, «На берегах Невы» И. Одоевцевой, «Одиночество и свобода» Г. Адамовича, «Силуэты русских писателей» Ю. Айхенвальда, «Дневник моих встреч» Ю. Анненкова, «Я унёс Россию» Р. Гуля, «Русская литература в изгнании» Г. Струве.

Дневники, письма, автобиографии, мемуарные портреты, собственно воспоминания – это «плач» по прошлому и одновременно послание в будущее с опорой на настоящее. «Связь живого в прошлом с живым в настоящем есть

истинная культурная традиция», — утверждал П. Милоков [4, 137].

Мемуарно-автобиографическое начало — ключевая черта эмигрантского творчества и Бориса Зайцева. «За ничтожными исключениями все написанное здесь мною выросло из России, лишь Россией и дышит. И ни одному слову моему отсюда не дано было дойти до Родины. В этом вижу суровый жребий, Промыслом мне назначенный. Но приемлю его начисто, ибо верю, что всё происходит не напрасно...», — читаем в автобиографии публициста [5, 380-382].

Стремление рассказать о себе через воспроизведение фактов собственной биографии, через воспоминания о жизни современников вызвано у многих писателей-эмигрантов, в том числе, и у Бориса Зайцева острой потребностью сохранить вдалеке от России её облик, традиции, устои, имена, не дать раствориться дореволюционной российской культуре в современном инокультурном, инонациональном окружении. Ну, и, разумеется, мемуары — это попытка напомнить о себе, о своём месте в мире.

Работа именно в мемуарном жанре позволяет публицисту обрести в одночасье потерянную Родину, вернуться к себе прежнему и к России прежней, восстановить оборванную связь времён, поколений, культур.

Такую родную и знакомую «страну изб и усадеб», «Россию Святой Руси» Борис Зайцев описывает в путевых очерках «Афон» (1928), «Валаам» (1936). В непринужденной форме автор делится с читателями впечатлениями от непосредственных наблюдений и, в тоже время, путешествует по своей «внутренней России». Позиция «путешественника» позволяет Борису Зайцеву освободиться от уз времени и пространства, проникнуть по ту сторону границы, создать образ Родины — свободной от исторических катастроф и революционных потрясений. Путевые очерки Зайцева — это блуждание между реальной жизнью и иллюзиями.

Афон для Зайцева остался тем уголком русской земли, который бережно сохранило жестокое время. А посещение монастыря Святого Пантелеймона стало, по словам публициста, «глотком свежего воздуха, дующего с родины» [6, 405], покинутой навсегда. «Боря вернулся с Афона обновлённый и изнутри светлый!», — отмечает в письме к Вере Буниной жена Зайцева Вера Алексеевна [7, 167].

Подобные чувства Борис Зайцев стремится подарить и читателям-эмигрантам. «Богословского в моём писании нет. Я был на Афоне православным человеком и русским художником <...>. Я пытаюсь дать ощущение Афона; как я его видел, слышал, вдыхал...», — признавался автор [6, 293].

«Поразительно русский характер» [6, 364] всего окружающего удивляет Бориса Зайцева и в Валаамском монастыре, основанном ещё в XIV веке на острове в Ладожском озере. Туда в поисках образа России публицист отправляется в 1935 году.

На протяжении всего паломничества очеркиста не покидает ощущение незримого присутствия так близко расположенной России. Об этом свидетельствует его письмо к Ивану Бунину, с которым Борис Зайцев дружил практически до последних дней жизни. 1 сентября 1935 года он писал: «Виден Кронштадт. Иван, сколько здесь России! Запахи совсем русские: остро-горький — болотцем, сосной, березой. Вчера у куоккальской церкви — она стоит в сторонке — пахло ржами. И весь склад жизни тут русский, довоенный» [8, 140-141].

Очерки конкретны, связаны с бытом, пропитаны запахами русской земли. Зайцев погружается в родную стихию — русский пейзаж и русские характеры, используя характерные для путевого очерка приемы: панорамность изображения, ярко выраженную авторскую позицию, свободную манеру изложения. В одном ряду оказываются, казалось бы, несоизмеримые в духовном плане вещи: поиски грибов, прогулки по лесу, поклонение могиле преподобного Антипы, исповедь, причастие. Но для Зайцева всё это и есть сущность той истинной России, в постоянном поиске которой он находится. «Ведь это всё моё, в моей крови, я вырос в таких лесах...», — пишет автор [6, 382].

Интерес к «милым» подробностям устойчивого быта ушедших лет присущ не только Борису Зайцеву, но и другим эмигрантам-мемуаристам. Церкви и рынки, похороны и кладбища, майский парад на Марсовом поле и наводнение 1903 года, зрелища и развлечения вспоминает Александр Бенуа. Владимир Оболенский детально описывает первые электрические фонари, уличного мороженщика, Ваньку-извозчика, Вербное гулянье, иллюминацию в царские дни, праздничные балаганы, выкрики уличных разносчиков. «В причудливой смеси европейской культуры со старым русским бытом и заключалась своеобразная прелесть старого Петербурга», — резюмирует автор [9, 16].

Россия для эмигрантов — «лоскутное одеяло», состоящее из мелких, незначительных, на первый взгляд, но таких родных, понятных и знакомых каждому деталей и образов. Бытие в мемуарах превращается в со-бытие.

Россия «изб и усадеб», монастырей и обителей Бориса Зайцева внутренне близка и созвучна И. Шмелёву, И. Бунину, С. Булгакову. Последний писал: «Моя родина, носящая священное для меня имя Ливны, небольшой город Орловской

губернии, — кажется, я умер бы от изнеможения блаженства, если бы сейчас увидел его <...>. Всё это так тихо, просто, скромно, незаметно и — в неподвижности своей — прекрасно <...>. И ей свойственна также такая тихость и ласковость, как матери. Она робко напоминает... о потерянном рае, о той надмирной обители, откуда мы пришли сюда...» [10, 64-65].

Борис Зайцев проводит в очерках «Афон» и «Валаам» очевидные параллели между судьбами святых старцев и эмигрантов. Жизнь последних полна мучений и страданий, как и жизнь афонских и валаамских монахов. Но эти мучения неизбежны на праведном пути. Россия, по мнению публициста, возродится после революционных испытаний лишь «благодаря терпению и смирению духовно верных и преданных ей изгнанников, несущих тяжкий крест в наказание за грехи своей родины. Эмиграция есть драма и школа смирения» [11, 38].

А воспоминания о России — то зеркало, глядя в которое, эмигрантский читатель может увидеть давно потерянное собственное лицо, то, каким надо быть или каким можно стать.

«Многое видишь о Родине теперь по-иному, иначе оцениваешь. Находясь в стране старой и прочной культуры, ясней чувствуешь, например, что не так молода, многозначительно не молода и не безродна Россия, — пишет Борис Зайцев. — Когда в самой России жили среди повседневности, деревянных изб, проселочных дорог, неисторического пейзажа, менее это замечали. Издали избы, бани, заборы не так существенны — хотя, конечно, черты природы, запахи, птицы, реки России в спиритуальный пейзаж ее вошли. Все это помним мы и любим... — порою даже мучительно. Но кроме этого яснее, чище видим общий, тысячелетний и духовный облик Родины» [12, 60].

С двух сторон, как «терзаемую и терзающую», Борис Зайцев показывает Россию на страницах дневниковых записей «Дни». Почти тридцать три года (с 1939 до 1972) он регулярно ведёт их сначала в «Возрождении», а затем в «Русской мысли». Последняя публикация без названия появилась 5 января 1972 года, за несколько дней до кончины Зайцева и была посвящена Достоевскому, тайну творчества которого публицист стремился постичь всю жизнь.

В «Днях» переплетаются настоящее и прошлое, текущие события и размышления над ними («Возвращаясь от всеобщей», № 272, 1 сентября 1950; «Новый год», № 852, 26 января 1956), мемуарные портреты современников («О Леониде Андрееве», № 180, 14 октября 1949; «Другие и Марина Цветаева», № 320, 16 февраля 1951; «Гумилёв и Козлов», № 2861, 23 сентября 1971) и рассуждения о классиках («Столетие

«Записок охотника», № 475, 13 августа 1952; «Творчество из ничего». Вновь Чехов», № 1174, 15 февраля 1958; «С Толстым», № 2810, 1 октября 1970).

Жизнь и творчество В. Жуковского, Н. Голяя, И. Тургенева, А. Чехова, Л. Толстого для Бориса Зайцева олицетворение вечной истинной России. «Чем дальше идет время, тем сильнее чувствуем мы здесь свое одиночество. Все более уходим душою с чужой земли, возвращаясь к вечному и духовному в России. Вновь перечитываем многое, на чем возрастали, по-новому его ощущая <...>. Смотришь на русскую книгу теперь с волнением — и любовью (особенной). Ей ведь вверено сохранить, передать более мирным и счастливым поколениям образ России — не звериный, но истинный» [13, 194, 132-133].

Борис Зайцев ежедневно подводит объективные итоги собственному жизненному и творческому пути, исследует общественные отношения, выявляет объективные причины, повлиявшие на характеры и судьбы, разбирается, почему на Родине в пылу революционной борьбы была потеряна российская духовность, и каким образом её удалось сохранить изгнанникам.

«Дни» наряду с другими публицистическими циклами автора («Судьбы», «Странник», «Из воспоминаний», «Давнее», «Былое», «Памяти ушедших», «Дневник писателя») — это ещё один способ возродить дореволюционную Россию не только в собственной памяти, но и в памяти всех эмигрантов, попытка вернуться на Родину, пусть и воображаемую. «Кончилась Москва настоящая, началась воображаемая... Париж показал, что такое «изгнание», преграда, Москва сузилась! И отдалась на тысячи километров. Началась эмиграция: длительное, как бы законное существование вне родины», — напишет Зайцев в одной из своих публикаций [14, 18].

Целостный и яркий образ Родины, эпохи в её идейном брожении, в богатстве духовной жизни создаёт Борис Зайцев в сериях мемуарных портретов, впоследствии собранных самим автором в книги «Москва» (1939), «Далёкое» (1965), «Мои современники» (1988). В предисловии к «Далёкому» публицист говорит: «Это книга о разных людях, местах — по написанию она разного времени, но все о давнем... Большая часть книги — о России» [15, 5].

Литераторы, философы, художники, музыканты, политические деятели — приоритета Борис Зайцев не отдаёт никому. От Короленко и Чехова, благословивших литературного новичка в конце позапрошлого века, до Цветаевой и Пастернака, с которыми он встречался и переписывался, — таков временной размах портретной мемуаристики Зайцева.

Множество индивидуальных портретов и судеб, из которых в итоге складывается коллективный портрет и судьба России: «неохристианский» Петербург с его «религиозно-философскими собраниями», Мережковским, Гиппиус, журналом «Новый путь» и покровительствующая «самоновейшему» Москва с декадентским журналом «Весы», его редактором «дьяволистом» Брюсовым, «мрачным как скалы» Балтрушайтисом, «нежным как мимоза» Поляковым.

Л. Андреев, И. Бунин, А. Блок, А. Белый, А. Куприн, М. Горький, К. Бальмонт, В. Иванов, Н. Бердяев, А. Ремизов, И. Шмелев, М. Осоргин, М. Алданов, А. Бенуа, П. Муратов, Ю. Айхенвальд, А. Ахматова, А. Толстой... Перечень имён тех, о ком Зайцев оставил воспоминания в эмигрантских периодических изданиях, впечатляет.

Таким образом, находясь постоянно в поиске утраченной Родины, Борис Зайцев на страницах эмигрантской периодики сберегает национальную память. Воспроизводит не просто облики своих современников, представителей Серебряного века русской культуры, а создаёт многомерный портрет целого «потерянного поколения»: людей, лишённых Родины, но сохранивших на чужбине русский язык, культуру, самобытность, составляющих образ дореволюционной России. России, которая рано или поздно возродится сама и возродит остальной мир: «Истина всё-таки придёт из России... «Святою Русью» – в новых её формах, в бедности и простоте, тишине, чистоте, незаметно, без парадов и завоеваний. Придёт... чтобы просветить усталый мир» [6, 442].

Мажарина Ю. Н.
Воронежский государственный университет. Аспирант кафедры истории журналистики.
E-mail: yuliya-mazharina@yandex.ru

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гуль Р. Я унёс Россию. Апология эмиграции / Р. Гуль // Соч. : В 3 т. – М., 2001. – Т. 1 : Россия в Германии. – 560 с.
2. Зайцев Б. Дни / Б. Зайцев. – Москва-Париж : YMCA-Press, Русский путь, 1995. – 480 с.
3. Brodsky J. The Condition We Call Exile / J. Brodsky // Writing in Exile. Renaissance and Modern Studies. University of Nottingham. – 1991. – Vol. 34.
4. Милюков П. Н. Живой Пушкин (1837-1937). Историко-биографический очерк / П. Н. Милюков. – М. : Эллис Лак, 1997. – 416 с.
5. Зайцев Б. К. Дальний край. Повести. Рассказы / Б.К. Зайцев. – М. : Дрофа : Вече, 2002. – 400 с.
6. Зайцев Б. К. Собрание сочинений / Б. К. Зайцев // Соч. : В 9 т. – М., 1999. – Т. 7 : Святая Русь : Избранная духовная проза. Книги странствий. Повести и рассказы. Дневник писателя. – 528 с.
7. Зайцев Б. К. Другая Вера / Б.К. Зайцев. – М., 2002. – 214 с.
8. Письма Б. Зайцева к И. и В. Буниным // Новый журнал. – Нью-Йорк, 1982. – № 149.
9. Оболенский В. А. Моя жизнь. Мои современники / В. А. Оболенский. – Париж : YMCA-Press, 1988. – 700 с.
10. Булгаков С. Н. Моя родина. Избранное / С.Н. Булгаков. – Орел, 1996. – 240 с.
11. Зайцев Б. К. Собрание сочинений / Б. К. Зайцев // В 9 т. – М. : Русская книга, 1999. – Т. 4 : О себе. Путешествие Глеба : Автобиографическая тетралогия. – 610 с.
12. Зайцев Б. К. Слово о Родине / Б. К. Зайцев // Слово. – 1989. – № 9.
13. Зайцев Б. К. Собрание сочинений / Б. К. Зайцев // В 11 т. – М. : Русская книга, 2000. – Т. 9 : Дни. Мемуарные очерки. Статьи. Заметки. Рецензии. – 560 с.
14. Зайцев Б. Москва сегодняшняя / Б. Зайцев // Возрождение. – 1932. – 14 янв.
15. Зайцев Б. К. Далекое / Б. К. Зайцев. – М. : Советский писатель, 1991. – 512 с.

Mazharina Y. N.
Voronezh State University. The post-graduated student of Department of Journalism.